

Шамахов В. А., Балашов А. И.

Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России

Шамахов Владимир Александрович

Директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доктор экономических наук, профессор
 Действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса
 director@sziu.ru

Балашов Алексей Игоревич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Профессор кафедры стратегии, территориального развития и качества жизни
 Руководитель научно-образовательного направления «Государственное и муниципальное управление»
 Доктор экономических наук, профессор
 aleksey.i.balashov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируются причины перехода российской экономики с 2013 г. к затяжной стагнации, перешедшей в настоящее время в стагфляцию. Авторы рассматривают последствия смены сформировавшейся в 2000-е годы в России модели роста, базировавшейся на превращении нефтегазовых сверхдоходов во внутренний спрос, а также комплекс геополитических факторов, неопределенность состояния которых негативно сказывается на экономическом и социальном развитии современной России. В результате проведенного анализа авторы приходят к выводу, что реальный потенциал роста Российской Федерации в настоящее время коренится в наращивании «веса» России на евразийском геополитическом, экономическом и культурном пространстве, развитии евразийской интеграции и укреплении Шанхайской организации сотрудничества посредством инструментов «мягкой силы» — науки, образования, межкультурных обменов, единых профессиональных и образовательных стандартов и программ подготовки специалистов, особенно в сфере публичного управления, корпоративного менеджмента и экономики. В статье обоснована гипотеза о том, что сила гуманитарного сотрудничества, выстроенная вокруг уникальной полиэтнической российской цивилизации, способна в современных условиях вывести стратегию экономического и социального развития России на трек устойчивого роста. В заключении статьи авторами сформулирован ряд конкретных предложений по продвижению евразийской интеграции в сфере формирования общих профессиональных и образовательных стандартов и программ подготовки специалистов в области государственного и муниципального управления, часть из которых уже реализуется в Северо-Западном институте управления РАНХиГС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная политика, геополитические факторы, экономический рост, реиндустриализация, евразийское экономическое пространство, Шанхайская организация сотрудничества

Shamakhov V. A., Balashov A. I.

The New Geopolitical Reality and Its Impact on the Strategy for Economic and Social Development of Russia

Shamakhov Vladimir Alexandrovich

Director of North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Doctor of Science (Economy), Professor
 State Counselor of the Russian Federation of the 1st class
 director@sziu.ru

Balashov Aleksei Igorevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Strategy, Territorial Development and Quality of Life
 Head of the Scientific and Educational School "State and Municipal Management"
 Doctor of Science (Economy), Professor
 aleksey.i.balashov@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the causes of the transition of the Russian economy from 2013 to the prolonged stagnation has passed now in stagflation. The authors examine the effects of change emerged in the 2000s. Russia's growth model based on the conversion of oil and gas windfall in domestic demand, as well as a complex geopolitical factors, the state of uncertainty that adversely affects the economic and social development of modern Russia. In the result of the analysis the authors conclude that the real growth potential of the Russian Federation is now rooted in building the «weight» of Russia in the Eurasian geopolitical, economic and cultural space, the development of the Eurasian integration and the strengthening of the Shanghai Cooperation Organization through the instruments of «soft power» — science, education, intercultural exchanges, common professional and educational standards and training programs, especially in the field of public administration, corporate management and economics. The article substantiates the hypothesis that the strength of humanitarian cooperation, built around a unique *polietichnoy* Russian civilization is able to bring the present conditions of economic and social development of Russia on track for sustainable growth. At the end of the article the authors formulated a number of concrete proposals on the promotion of Eurasian integration in the field of formation of common professional and educational standards and training programs in the field of state and municipal government, some of which are already being implemented in the North-West Management Institute of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration.

KEYWORDS

government policies, geopolitical factors, economic growth, de-industrialization, the Eurasian Economic Space, the Shanghai Cooperation Organization

В настоящее время процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углубляется разрыв между уровнями благосостояния стран, усиливается борьба за ресурсы, доступ к рынкам сбыта, контроль над транспортными артериями. Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает также ценностные модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы¹.

Проведение в этих условиях Россией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить доминирование в мировых делах. Реализуемая ими политика сдерживания России предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления. Поддержка США с Европейским союзом антиконституционного государственного переворота на Украине привела к возникновению вооруженного конфликта непосредственно у границ с Россией и способствовала повороту стратегии экономического и социального развития России.

Сформировавшаяся в 2000-е годы в Российской Федерации модель роста базировалась на превращении нефтегазовых сверхдоходов (общая величина которых за 2000–2013 гг. превысила 2 трлн долл.) во внутренний спрос. По мере того как

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016 г. № 1 (ч. II), ст. 212, п. 13.

главным двигателем экономического роста становился приток в страну доходов и капитала, экономическая политика правительства все больше концентрировалась на вопросах распределения этих ресурсов. Поддержка роста проводилась преимущественно за счет создания госкомпаний и выделения финансовых ресурсов на льготных условиях. Создаваемые государством государственные и квазигосударственные компании, как правило, имели существенно искаженную мотивацию. Они были менее заинтересованы в получении прибыли, их коммерческая деятельность во многих случаях сочеталась с выполнением публичных функций «агента правительства», у них была слабее ответственность за результаты своей деятельности, поскольку их убытки всегда могли быть тем или иным образом покрыты правительством. Существование у компаний таких мягких бюджетных ограничений, проявляющихся в возможности получать кредиты на нерыночных условиях, ослабляло их стимулы повышать свою производительность, сокращать издержки, поскольку они могли быть сравнительно легко включены в их цены [9, с. 22–23].

Воссоединение в марте 2014 г. Крыма с Россией, не признанное мировым сообществом и повлекшее несколько пакетов международных санкций, знаменовало собой окончание «модели импортирования роста» [9, с. 33]. Заметим, что переход к стагнации и стагфляции российской экономики начался еще при высоких ценах на нефть (108 долл. за баррель в 2013 г. и 98 — в 2014 г.), устойчивом валютном курсе рубля и до введения санкций, которые реально стали влиять на экономический рост лишь с сентября 2014 г. Без серьезного негативного внешнего влияния темпы экономического развития страны сократились в 3–5 раз, стали снижаться инвестиции, в 1,5 раза ускорилась инфляция, вдвое (с 5,5 до 10,5%) возросла ключевая ставка Центрального банка РФ (ЦБ РФ) и намного подорожали все кредиты. Все это, по мнению академика А. Г. Аганбегяна, явилось результатом неадекватной внутренней экономической политики, которая с 2012 г. пошла вразрез с указом Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике»¹. Вместо выполнения поставленной в указе задачи наращивания доли инвестиций в ВВП страны с 21% в 2012 г. до 25% к 2015 г., инвестиции в 2012 г. выросли лишь на 6,8%, после чего их рост в составе госбюджета и государственных корпораций (Газпром, Роснефть, Ростехнологии и др.) стал стремительно сокращаться в 2013–2014 гг., и особенно в 2015 г. К снижению экономического роста и стагнации привело и повышение ключевой ставки ЦБ РФ (до уровня до 17% в декабре 2014 г. и 11% с августа 2015 г.), что сделало затруднительным финансирование предприятий реального сектора экономики [1].

Переход российской экономики к затяжной стагнации, а затем и стагфляции (после роста ВВП на 4% в 2010 и 2011 гг., в 2013 и 2014 гг. темпы роста продемонстрировали затухающую динамику — 1,3% и 0,6%, соответственно, а в 2015 г. российская экономика сократилась на 3,6%) и накопившиеся к началу 2014 г. негативные тенденции (недоверие бизнеса, его низкая деловая активность и спад инвестиций, хронический отток капитала за рубеж, сокращение бюджетных обязательств, разрастание в экономике неэффективного государственного сектора и ослабление рыночных институтов) [2, с. 8] сделали неизбежным переход к сценарию мобилизационного развития, развороту России в сторону стратегии реиндустриализации и импортозамещения, развития не за счет растущего внутреннего спроса, а за счет «накачки» экономики бюджетными деньгами.

При этом, как было показано ранее [4], если необходимость новой индустриализации — то есть воссоздания реального сектора национальной экономики — не

¹ Указ Президента РФ «О долгосрочной экономической политике» от 07.05.2012 г. № 596 // «Российская газета» от 09.05.2012 г. № 102.

вызывает вопросов внутри политического класса и экспертного сообщества, то рецепты реализации этой экономической стратегии сильно разнятся.

По мнению «экономических либералов» [2; 9 и др.], выбор мобилизационной модели экономического развития с опорой на реиндустриализацию и воссоздание импортозамещающих производств, ориентированных на выпуск, критичной для обороноспособности и безопасности страны, продукции, приведет к перекачке ресурсов от потребления на госинвестиции, от эффективных к неэффективным предприятиям, что после кратковременного роста обернется быстрым истощением ресурсов и переходом к более глубокой рецессии или спаду [2, с. 33]. Реиндустриализация, по мнению либералов в российском правительстве, должна опираться на малый и средний бизнес при одновременном снижении доли государственных (или контролируемых государством) компаний. В противном случае новая индустриализация страны вызовет не рост экономики темпами, опережающими мировые, а диспропорциональное развитие крупных компаний при стагнации и постепенном исчезновении малых и средних бизнесов.

В свою очередь сторонники экономического дирижизма [3, 5 и др.] обращают внимание на то, что для перехода к новой индустриализации России потребуются провести «стратегическую национализацию командных высот экономики, их суверенизацию, дедолларизацию и деофшоризацию... в форме выкупной деприватизации», сформировать «экономику отечественных транснациональных корпораций», основанных на государственной и квазигосударственной формах собственности, и, в конечном счете, ввести в стране планово-регулируемый механизм ценообразования [5, с. 16–17]. Иными словами, вопрос о реиндустриализации, в конечном счете, является вопросом о роли государства в экономике — сохранении рыночно-ориентированной модели развития, основанной на частной собственности, свободных ценах и конкуренции экономических агентов, либо переходе к планово-административной модели хозяйствования.

Между тем источники роста по модели полупринудительной государственной индустриализации в стране отсутствуют. Успешные примеры ее реализации в СССР в 1930-е годы и в Китае в более поздний период основывались на существовавших в те годы у национальных экономик резервах дешевой рабочей силы и информационной закрытости советского и китайского общества. Все это обеспечивало высокие темпы роста при перекачке ресурсов из аграрной сферы в индустриальную при нетребовательности общества к качеству государственных институтов. Современная же Россия, как пишет В. А. Мау, демонстрирует случай так называемой «ловушки конкурентоспособности», когда дорогой труд (с учетом потребительного бума 2000-х годов и демографического провала 1990-х годов, в России к 2014 г. стоимость рабочей силы была одной из самых дорогих среди стран с формирующимися рынками) сочетается с плохими институтами (62-я позиция в рейтинге Doing Business за 2015 г.¹) [10, с. 20].

В условиях глобализации на экономическое и социальное развитие страны сильное влияние оказывают факторы геополитики и геоэкономики [7], неопределенность которых негативно сказывается на современной России.

Большая неопределенность сохраняется применительно к санкциям США и Евросоюза по отношению к России в связи с событиями на Украине. Неизвестно, как долго сохранятся эти санкции — будут ли они ужесточены, как предлагают многие политики в США и Европе. Кроме конфликта, связанного с событиями на Украине, в течение 2015 г. возникли новые поводы для обострения отношений нашей страны с западными странами.

¹ Ведение бизнеса — 2015. Больше, чем эффективность: Доклад Всемирного банка [Электронный ресурс] // URL: <http://russian.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2015> (дата обращения: 15.01.2016).

Во-первых, это ограниченное участие российских вооруженных сил (ВС РФ) в военной операции в Сирии, которое предопределяется двумя основными причинами: уже свершившимся фактом стратегического поражения американской кампании против запрещенного в России «Исламского государства» (ИГ) и быстрым ухудшением ситуации в Центральной Азии. Российская военная операция в Сирии позволяет в самом худшем случае отсрочить полномасштабную сухопутную войну с участием России в бывшей советской Средней Азии на годы, а в лучшем предотвратить ее. С российской точки зрения, поражения Асада повлечет за собой резкое усиление ИГ, которое сможет перебросить силы на другие направления и, в первую очередь, на территорию Афганистана и Таджикистана. А в случае дестабилизации Центральной Азии и начала там региональной войны полномасштабное вовлечение в нее России предопределено.

Отметим, что то противостояние, которое мы наблюдаем сейчас на Ближнем Востоке, началось с интервенции США и коалиции западных государств в Ирак в 2003 г. За падением режима Саддама Хусейна последовали фактическое отделение иракского Курдистана и возникновение суннитского сопротивления оккупантам, которое трансформировалось со временем в террористическое движение, включающее в себя множество разрозненных подпольных организаций. Постепенно в регионе возникло межконфессиональное противостояние военизированных ополченческих формирований суннитов и других исламских и околоисламских конфессий. Положение вещей усугубилось после начала организованной извне гражданской войны в Сирии. Апофеозом всего перечисленного стало возникновение «Исламского государства», в военное противостояние с которым в настоящее время в той или иной степени вовлечены все страны региона, включая Саудовскую Аравию, Йемен, Турцию и Иран.

Для России сирийская операция является вступлением в фактически неизбежную войну на относительно выгодных для нас условиях — вдали от границ бывшего СССР и без участия российских сухопутных войск. В настоящее время действия российских воздушно-космических сил (ВКС) представляют собой составную часть общевоинской наступательной операции, главную роль в которой играет не Россия, а перевооруженные и обученные Россией и Ираном сирийские части, а также перебросенные в Сирию по воздуху иранские войска. Именно успешность их наступления будет критерием успеха всего предприятия. Пока наступление сирийской армии и ее иранских союзников при российской поддержке с воздуха развивается медленно.

Масштаб российских военных усилий в Сирии пока невелик. Российские военные силы, ведущие войну с ИГ, на данный момент представлены смешанной авиагруппой (фронтовые бомбардировщики Су-34 и Су-24М, штурмовики Су-25СМ, прикрывающие их истребители Су-30СМ, и вертолеты огневой поддержки Ми-24П), которая с 30 сентября 2015 г. наносит бомбовые удары с авиабазы «Хмеймим» в сирийской Латакии. Прочие силы (батальонная тактическая группа) осуществляют лишь охрану объектов, находящихся в глубоком тылу. В ноябре 2015 г., после официального признания трагедии с пассажирским авиалайнером А321 «Когалымавиа» (унесшей жизни 224 человек) терактом, Россия задействовала в сирийской операции стратегические бомбардировщики Ту-160 и Ту-95МС, ракетноносцы Ту-22М3, также ракетные корабли и дизель-электрические подводные лодки, оснащенные крылатыми ракетами 3М-14 ракетного комплекса «Калибр», которые атаковали цели террористов в провинциях Алеппо и Идлиб, а также атаковали в Ракке и Дэйр-эз-Зоре. Очевидно, что неконтролируемое расширение российского участия в войне с вовлечением в нее сухопутных войск является главной угрозой [6].

Во-вторых, это резко ухудшившиеся на фоне сирийских событий отношения России с Турцией, похоронившие проект российского газопровода в Европу через

территорию Турции («Турецкий поток»). После 24 ноября 2015 г., когда фронтовой бомбардировщик Су-24М российских ВКС при выполнении боевого вылета над территорией Сирии (в 4 км от турецкой границы) был сбит истребителем турецких ВВС F-16 (пилот бомбардировщика, а также один российский морской пехотинец, принимавший участие в спасательной операции, погибли), в отношениях России с Турцией началась открытая эскалация. Боевые вылеты российских бомбардировщиков в Сирии впредь осуществляются только под прикрытием истребителей. Усилена противовоздушная оборона — в прибрежной части сирийской Латакии на боевое дежурство встал крейсер российского Черноморского флота «Москва», оснащенный системой ПВО «Форт», аналогичной С-300 (в январе 2016 г. ему на смену пришел крейсер «Варяг»). В отношении турецких товаров и компаний на территории России были введены экономические санкции. Контакты с Турцией по военной линии прекращены.

В-третьих, продолжающееся снижение мировых цен на нефть, по мнению экспертов, носит долгосрочный характер. Со 115 долл. в июне 2014 г. стоимость барреля нефти марки Brent упала к январю 2016 г. до отметки ниже 30 долл. Отмена эмбарго на торговлю нефти с Ираном позволяет ему выбросить на мировой рынок значительное количество нефти, усилив тем самым давление на рынок со стороны предложения. Между тем мировой спрос на нефть снижается прежде всего из-за замедления экономического роста в Китае, крайне низких темпов роста в европейских странах — крупных нефтяных импортерах, а также развития технологий энергосбережения в США и Европе. На фоне нежелания Саудовской Аравии и других стран ОПЕК сокращать объемы добычи нефти, сохраняющийся переизбыток предложения нефти на мировом рынке является главной причиной поддержания низких цен на нефть. Стабилизация цены на нефть в районе 45–50 долл. за баррель, ожидаемая в среднесрочный период большинством экспертов, формирует для России ситуацию «новой экономической реальности» [8].

В-четвертых, при серьезной внешнеполитической и экономической переориентации России в последние годы на Восток усиливается зависимость нашей страны от инвестиций, прежде всего в топливно-энергетический комплекс, со стороны Китая [12]. Между тем заметное замедление развития китайской экономики, продолжающаяся девальвация юаня, происходящие обвалы фондового рынка в Китае — все сильнее отрицательно влияют на наше развитие. В 2015 г., несмотря на объявленное Россией стремление увеличить товарооборот с Китаем вдвое, он, напротив, сократился на треть. Намеченные поставки в Китай нефти и газа по трубопроводу «Сила Сибири» требуют невиданных для нашей страны инвестиций, суммарно приближающихся к 100 млрд долл. Заметим, что в настоящее время (даже несмотря на санкционные ограничения) наиболее значимой для нас является торговля с Европейским союзом. Разница между экспортом и импортом товаров в ЕС за 9 мес. 2015 г. составила почти 80 млрд долл. в нашу пользу, то есть более 60% положительного сальдо торгового баланса. Еще порядка 18 млрд долл. составил товарооборот со странами СНГ, 12 млрд — Турцией, по 6 млрд долл. — Южной Кореей и Японией. Напротив, с Китаем Россия имеет отрицательное сальдо торгового баланса (превышение импорта над экспортом) в размере больше 4 млрд долл.¹

Таким образом, новая геополитическая реальность содержит серьезные риски для экономического и социального развития России. Значительное снижение инвестиций в 2015 г. тянет экономику вниз. Наступивший 2016 г. может оказаться

¹Бжезинский Д. Почему разворот на Восток не избавит экономику России от кризиса [Электронный ресурс] // URL: <http://www.e-xecutive.ru/finance/business/1984437-pochemu-razvorot-na-vostok-ne-izbavit-ekonomiku-rossii-ot-krizisa/> (дата обращения: 15.01.2016).

тяжелее предыдущего из-за накопленного масштаба падения, в том числе уровня жизни — сокращения реальных зарплат, экономии на потреблении и невозможности его поддержать за счет кредитных ресурсов (ЦБ РФ ожидает нулевой динамики кредитования физических лиц), общего снижения качества жизни при продолжающейся архаизации экономики. Экономика, достигшая, по оценкам Минэкономразвития РФ, дна в июне 2015 г., в ноябре снова начала спуск. Если не произойдет быстрого отскока цены нефти, то вторая волна кризиса запустит процесс новой адаптации с сокращением издержек бизнеса, ростом безработицы, падением зарплат и потребления: это выльется в более глубокую и продолжительную рецессию. Сокращение потребления станет основным фактором спада ВВП — никаких других способов этот процесс компенсировать не наблюдается. Между тем, в преддверии электорального цикла сентября 2016 г. власти, скорее всего, пойдут на дополнительную индексацию социальных расходов. После тяжелого первого полугодия это может поддержать потребление и экономику наряду с ожидаемым ростом цены нефти: во втором полугодии 2016 г. экономика может перейти к восстановлению.

Как заявил на прошедшем 13–15 января 2016 г. в РАНХиГС Гайдаровском форуме экс-министр финансов РФ А. Л. Кудрин, Россия вошла в полосу, когда наиболее острыми из всех проблем становятся социальные проблемы. Рост числа бедных (по данным Росстата, за январь — сентябрь 2015 г. число людей с доходами ниже прожиточного минимума составило 14,1% населения против 12,6% за тот же период 2014 г.) и демографические дисбалансы (сокращение числа работающих при увеличении количества пенсионеров) являются ключевыми структурными проблемами российской экономики. У бюджета больше нет возможности для повышения социальной поддержки, а ее поддержание на текущем уровне будет означать рост бедности. С 2008 г. доля расходов бюджетной системы на социальную политику выросла с 9,1% до 14,3% ВВП, или на 5,2 пп. ВВП, из которых 3,9 пп. — это поддержка пенсионной системы. Из этих 3,9 пп. повышения пенсионных выплат половина была обеспечена ростом налоговой нагрузки, а вторая половина — сокращением государственных инвестиционных расходов. В итоге, как заявил А. Л. Кудрин, Россия оказалась в замкнутом порочном круге: рост социальной поддержки ведет к росту нагрузки на бизнес или сокращению расходов бюджета на человеческий капитал, что, в свою очередь, снижает экономический рост, а без экономического роста проблемы социальной поддержки будут только усугубляться¹. Одно из давно необходимых, но крайне непопулярных в обществе решений — это повышение пенсионного возраста. Иначе у российского бюджета просто не хватит налогов, когда число пенсионеров сравняется с налогоплательщиками. Только с 2016 г. число экономически активного населения снизится на 1 млн, а в 2017 г. — еще на 1 млн, при том что число пенсионеров увеличивается на 300–400 тыс. чел. ежегодно². Без радикальных изменений в экономической и социальной политике российской экономике до 2030 г. грозит рост в 1–1,5% в год с постепенным снижением своего удельного веса в мировой экономике.

В этих условиях актуально подумать над тем, где у российской экономики и государства еще остался реальный потенциал роста. Не претендуя на оригинальность ответа на данный вопрос, авторы обосновано полагают, что он коренится в дальнейшем наращивании «веса» России на евразийском геополитическом, экономическом и культурном пространстве, повышении роли Российской Федерации в формирующемся полицентричном мире.

¹ Кувшинова О. Мы попали в замкнутый порочный круг // [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/01/13/623856-kudrin-krug/galleries/140737488855728/normal/1> (дата обращения: 15.01.2016).

² Там же.

Несмотря на продолжающееся санкционное давление, Россия продемонстрировала способность к обеспечению суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защиты своих соотечественников за рубежом. Украинский и сирийский конфликты, урегулирование «атомной проблемы» Ирана продемонстрировали возросшую роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем, обеспечении стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях. Участие российских ВКС, кораблей и подводных лодок ВМФ в антитеррористической операции в Сирии стало убедительной демонстрацией нового качества и возможностей Вооруженных сил страны, реформированных под руководством Верховного главнокомандующего страны В.В. Путина.

Формирование Евразийского экономического союза (ЕЭС) открыло новый этап интеграции на евразийском пространстве. Российская Федерация всемерно способствует укреплению Союза в целях дальнейшей интеграции, стабильного развития, всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности экономик государств — членов ЕЭС в рамках глобальной экономики, а также в целях повышения жизненного уровня их населения, обеспечения свободы перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, реализации совместных инфраструктурных и инвестиционных проектов. Российская Федерация придает важное значение наращиванию политического и экономического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулированию в ее рамках практических мер, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центральной Азии, а также развитию взаимодействия с государствами — членами, наблюдателями и партнерами ШОС¹.

Немаловажную роль в развитии евразийской интеграции и укреплении ШОС играет наращивание инструментов «мягкой силы» — науки, образования, межкультурных обменов, формирования единых профессиональных и образовательных стандартов и программ подготовки специалистов для стран ШОС, особенно, в сфере публичного управления [11], корпоративного менеджмента и экономики. По сути сила гуманитарного сотрудничества, выстроенная вокруг уникальной полиэтнической российской цивилизации (симбиоза русской, тюркской, кавказской, сибирской и иных культур) — это то, что способно вывести в современных условиях стратегию экономического и социального развития России на трек устойчивого роста.

В заключение сформулируем ряд конкретных предложений, часть из которых уже получают свою практическую реализацию в Северо-Западном институте управления РАНХиГС:

- создание в Санкт-Петербурге при СЗИУ РАНХиГС и Межпарламентской ассамблеи стран СНГ Ассоциации вузов стран ШОС по направлению «Управление и экономика»;
- развитие совместных со странами ШОС, а также иными государствами постсоветского пространства программ дополнительного профессионального образования государственных служащих (в СЗИУ РАНХиГС данное направление активно реализуется на базе Факультета ДПО «Высшая школа государственного управления»);
- формирование на базе бакалавриата и магистратуры по направлению «Государственное и муниципальное управление» совместных студенческих групп, где обучались бы студенты из России, Казахстана, Киргизии, Армении и других стран ШОС и СНГ (работа по формированию подобных групп в настоящее время активно ведется на Факультете государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС).

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016 г. № 1 (ч. II), ст. 212, п. 91–92.

Литература

1. Аганбегян А. Г. О преодолении существующей рецессии и стагфляции: Открытая лекция. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2015.
2. Акиндинова Н. В., Ясин Е. Г. Новый этап развития экономики в постсоветской России: Доклад к XVI Апрельской междунаро. науч. конференции по проблемам развития экономики и общества, 7–10 апреля 2015 г. М. : Высшая школа экономики, 2015.
3. Амосов А. Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист. 2014. № 2. С. 3–12.
4. Балашов А. И., Мартянова Я. В. Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 31–44.
5. Губанов С. Неиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. 2014. № 4. С. 3–32.
6. Кашин В. Большая игра: зачем России война в Сирии // Ведомости. 09.10.2015 г. № 3935.
7. Квинт В. Л. Стратегирование в современном мире. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014.
8. Крашенинников Ф. Внешнее и внутреннее: политика наизнанку // Ведомости. 08.10.2015 г. № 3934.
9. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
10. Мау В. А. Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 4–23.
11. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4 (44). С. 6–15.
12. Kvint V. *Strategy for the Global Market: Theory and practical applications*. Routledge NY, London, Sydney, 2015.

References

1. Aganbegyan A. G. *About overcoming the current recession and stagflation* [O preodolenii sushchestvuyushchei retsessii i stagflyatsii]: Open lecture. SPb. : SZIU RANHiGS. 2015. (rus)
2. Akindinova N. V., Yasin E. G. *A new stage of economic development in post-Soviet Russia* [Novyi etap razvitiya ekonomiki v postsovetsoi Rossii]: Report to the XVI April international Science Conference on Economic and Social Development, 7–10 April 2015. M. : Higher School of Economics [Vysshaya shkola ekonomiki]. (rus)
3. Amosov A. *About the economic mechanism of the new industrial development* [Ob ekonomicheskom mekhanizme novogo industrial'nogo razvitiya] // The Economist [Economist], 2014. N 2. P. 3–12. (rus)
4. Balashov A. I., Martyanova Ya. V. *Re-industrialization of the Russian economy and the development of military-industrial complex* [Reindustrializatsiya rossiiskoi ekonomiki i razvitie oboronno-promyshlennogo kompleksa] // Economy questions [Voprosy ekonomiki]. 2015. N 9. P. 31–44. (rus)
5. Gubanov S. *Neoindustrialization Russia and Poverty Sabotage her Critics* [Neoindustrializatsiya Rossii i nishcheta ee sabotazhnoi kritiki] // The Economist [Economist], 2014. N 4. P. 3–32. (rus)
6. Kashin V. *Big game: why Russia war in Syria* [Bol'shaya igra: zachem Rossii voyna v Sirii] // Vedomosti. 09.10.2015. N 3935. (rus)
7. Kvint V. L. *Strategy development in the modern world* [Strategirovanie v sovremennom mire]. SPb. : SZIU RANHiGS, 2014. (rus)
8. Krasheninnikov F. *External and internal: politics inside* [Vneshnee i vnutrennee: politika naiznanku] // Vedomosti. 08.10.2015. N 3934. (rus)
9. Kudrin A., Gurvich E. *The new model of growth for the Russian economy* [Novaya model' rosta dlya rossiiskoi ekonomiki] // Economy questions [Voprosy ekonomiki], 2014. N 12. P. 4–36. (rus)
10. Mau V. A. *Between Modernization and Stagnation: Economic Policy in 2012* [Mezhdu modernizatsiei i zastoom: ekonomicheskaya politika 2012 goda] // Economy questions [Voprosy ekonomiki], 2013. N 2. P. 4–23. (rus)
11. Shamakhov V. A. *Towards a new system of vocational training of managers* [K novoi sisteme professional'nogo obucheniya gosudarstvennykh upravlentsev] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. N 4 (44). P. 6–15. (rus)
12. Kvint V. (2015). *Strategy for the Global Market: Theory and practical applications*. Routledge NY, London, Sydney, 2015.